

Умолила.

(Изъ жизни сельскаго священника).

I.

ОРОШО жилось батюшкѣ о. Василию, священнику села Пустого, В—ской епархіи, такъ хорошо жилось, что лучше и быть не надо, какъ самъ онъ говаривалъ. Первое дѣло, благословилъ его Господь счастливымъ супружествомъ съ матушкой Иларіей. Не часто сходятся такія удачныя пары. Начиная съ роста: оба невелики, одинъ повыше, другая пониже, они и по духовному складу служили дополненіемъ, какъ бы продолженіемъ и разъясненіемъ одинъ другого. Одинъ настойчивъ, другая уступчива—податлива; тотъ трудолюбивъ, бережливъ, эта хозяйственна, экономна; батюшка скрытенъ, утрюмъ, матушка общительна, откровенна. И такъ далѣе во всѣхъ другихъ качествахъ и чертахъ: чего въ одномъ не доставало, изобиловало въ другомъ, что было худо и вредно въ первомъ, то находило себѣ улучшение и исправленіе во второй. И наоборотъ. Оттого-то и жилось имъ хорошо, оттого и былъ домъ о. Василия, что называется, полною чашей, чашей благополучія внутренняго и внѣшняго.

Второе же дѣло, благословилъ Богъ о. Василия служебными успѣхами и матеріальнымъ достаткомъ. Немного послужилъ во іереяхъ о. Василий въ своемъ маленькомъ при-

ходѣ, но многого достигъ онъ. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ снискалъ себѣ любовь и уваженіе своей паствы. Довольные прихожане говорили: „и нѣтъ-то лучше нашего батюшки; что служить, что проповѣдь скажетъ, что порядки ведетъ, да по всему!“ Храмъ Божій при неусыпныхъ заботахъ хозяина-батюшки содержался всегда въ подобающемъ благолѣпій и непрерывно поновлялся и благоуукрашался. Даже то, что ужъ совсѣмъ трудно дается на практикѣ, это повышение причтовой доходности и улучшение содержанія духовенства, въ значительной мѣрѣ было осуществленно, и при томъ не вызвавъ недовольства среди прихожанъ, какъ-то незамѣтно. „Совсѣмъ не Пустое наше село“ острилъ на этотъ счетъ мѣстный шутникъ-дьячекъ, „а съ хорошей луковой начинкой“. Фиолетовая скуфья, украсившая главу батюшки о. Василия, фактически доказывала одобреніе его дѣятельности и со стороны высшей епархіальной власти.

Въ двѣнадцать лѣтъ батюшка устроился „какъ помѣщикъ“, по выраженію крестьянъ. Имѣлъ хорошій, большой домъ со всякими хозяйственными пристройками, обзавелся всякой скотиной и птицей, насыпалъ полныя закромы хлѣба, развелъ садъ, пчелъ и всякую всячину. Да что особливо дѣлало честь молодымъ хозяевамъ, что не шаблонно, не рутинно, все было это, созданное ими, а съ претензіей на оригинальность, на поучительность. И надо отдать справедливость, по многимъ статьямъ ихъ хозяйства и домоводства было чему заняться и что посмотреть.

Не обидѣлъ Господь счастливыхъ супруговъ и потомствомъ, и даже болѣе чѣмъ не обидѣлъ. Въ двѣнадцать лѣтъ они имѣли шестерыхъ дѣтей, все малышей, отъ 10 лѣтъ и ниже. Дѣтки росли здоровыя, хорошія, радуя и утѣшая своихъ родителей, души въ нихъ не чаявшихъ. Понятно, что много и заботъ, и хлопотъ задавали дѣти батюшкѣ съ матушкой, но послѣдніе не унывали и не роптали на свою долю. Подбодряя и подзадоривая одинъ другого въ трудахъ, они не щадили ни силъ, ни здоровья, лишь бы дѣтки были во всѣхъ отношеніяхъ довольны и исправны, „Пожили для себя, теперь ужъ надо жить для дѣтей, имъ расти, намъ малиться, такой законъ въ мірѣ“, разсуждали они между собою.

Отмѣнно хорошо жилось батюшкѣ съ матушкой села

Пустого. Быстро и незамѣтно, какъ вода въ широкой многоводной рѣкѣ, текла жизнь ихъ по заведенной колесъ житейской суеты, тревогъ и заботъ, въ постоянной смѣнѣ радостей и печалей по поводу разныхъ успѣховъ и прибытковъ и неудачъ съ ущербами. Сознавалъ о. Василій, что не можетъ такъ гладко жизнь идти. Это не естественно, думалъ онъ. Сказано: „въ мѣръ скорби будете“, и не даромъ, конечно, сказано. Не миновать скорбей, какъ спокойному морю не миновать бури. Опасна и страшна буря послѣ долгаго благопріятнаго затишья. Тяжки и скорби для непривычныхъ къ нимъ, особенно послѣ долгой безмятежно-счастливой жизни. Хоть бы крестъ какой послалъ намъ Господь на испытаніе, втайнѣ молился батюшка, не очень бы тяжелый, а чтобы не забывались мы, помнили о земномъ удѣлѣ человѣческомъ. Эта ли самая молитва о. Василія дошла до Бога, или самъ собою пришелъ конечный срокъ краснымъ днямъ жизни нашихъ счастливецъ, только, говоря фигурально, свѣтло-радостное небо ихъ жизни затмилось мрачными тучами горя и скорби и полились у нихъ цѣлые потоки слезъ.

II.

Осень двѣнадцатаго года священнослуженія о. Василія выдалась весьма благопріятная, такая, про которую обыкновенно выражаются: „и старики не запомнятъ“. Сухо, ведрено, для осени даже неестественно тепло. Словомъ, благодать Божія. Благодаря этому, полевые работы и уборка хлѣбовъ къ половинѣ сентября совсѣмъ окончились, а къ октябрю многіе даже и помолотились. Далѣе ужъ оставалось одно—со спокойнымъ сердцемъ праздновать праздники осенніе, да свадьбы играть, благо обычай этотъ покопѣнъ вѣка заведенъ по селамъ и деревнямъ. И пошло вездѣ веселье, гулянье, пированіе: съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, крестьяне старались вознаградить себя за долгое говѣнье, за тяжелый лѣтній трудъ. Но въ домѣ о. Василія, хотя также закончившаго всю возню съ полями и хлѣбами, всѣ были настроены далеко не на веселый ладъ. Куда тутъ?! Слезы у всѣхъ стояли ужъ въ глазахъ, готовыя политься при первомъ позывѣ. Дѣло въ томъ, что самъ домохозяинъ „ни съ того, ни съ сего“, какъ объясняли, заболѣлъ тифомъ,

такою болѣзью, съ которою шутки плохи: какъ разъ свалить и въ гробъ уложить, да долго и маяться человѣка не заставить. Конечно, это въ домѣ хорошо понимали, тѣмъ болѣе, что и мѣстный врачъ не скрывалъ серьезности положенія больного. Энергично принялись за лѣченіе, или вѣрнѣе сказать, за пичканье разными снадобьями, противъ болѣзни едва ли сколько-нибудь полезными. Тифозный процессъ, разъ ужъ онъ начался, нельзя остановить, и не нашли еще пока средствъ для изгнанія тифозныхъ бациллъ. Главная надежда на благопріятный исходъ болѣзни основывается на природныхъ силахъ и крѣпости больного, и затѣмъ (къ сожалѣнію,—уже за тѣмъ!), на помощи Божіе, милостиво подаваемой человѣку въ трудныя минуты жизни. Разсчеты на организмъ о. Василія были сомнительны. Потому и обратились всѣ съ сердечною молитвою къ Господу, да вздвигнетъ силою Своею больного со смертнаго одра, какимъ почему-то всѣмъ ужъ представлялся болѣзненный одръ о. Василія. Молились прихожане о своемъ болящемъ отцѣ духовномъ, искренно прося ему избавленія отъ смертной опасности: ярко сказалась окрѣпшая уже привязанность пасомыхъ къ своему душепастырю. Молились крѣпко многочисленные родственники о. Василія, сочувствуя всѣмъ сердцемъ трудному его положенію и положенію его семьи, и внутренне содрогаясь при мысли о печальномъ концѣ болѣзни. Молились дѣти-малыши за своего любимаго папу, выстроившись рядами предъ божницею и преусердно кланяясь въ землю. Всѣ жалѣли и молились, сказать по правдѣ, всѣмъ и вчужѣ жаль было батюшку и его, убитую горемъ, семью.

Но, какъ это и естественно, тяжелѣе всѣхъ пришлось матушкѣ Иларіи. Не жалость, а ужасъ какой-то охватилъ ее и сжалъ сердце какъ тисками. Нѣтъ и слезъ, и молитва не идетъ на умъ, не находитъ ни въ чемъ облегченія, успокоенія. Мысль напряглась и замерла въ одной точкѣ: не перенести ему болѣзни, умереть онъ. Этому удрученному состоянію духа много помогали и ежедневные посѣтители, приходившіе и пріѣзжавшіе, какъ водится, навѣстить больного. Утѣшать въ несчастіи—это особаго рода умѣнье, особый талантъ, и далеко не всякій его имѣетъ. Потому иной, не талантливый, вмѣсто утѣшенія только горе усиливаетъ,

раны разстраиваетъ. Къ тому же и случай такой исключительный: что скажешь тутъ? Извѣстныя фразы: Богъ милостивъ, надѣйтесь, молитесь, не падайте духомъ и проч... — онѣ не даютъ желаемого утѣшенія и отрады, и говорятъ такъ... надо же что нибудь сказать. Ужъ „лучше бы молчали! думала про себя матушка, слушая утѣшителей. — Хорошо имъ разсуждать, сидя на сухомъ берегу“.

Вскорѣ затѣмъ болѣзнь такъ обострилась, что надо было ко всему готовиться. Подходилъ кризисъ болѣзни. Больной причастился и хотѣлъ побороться. Только опасеніе за жену, чтобы съ нею, слабою и нервною, не послѣдовало какого удара отъ сердечной туги, пока удерживало больного отъ исполненія своего намѣренія. И то уже не на шутку встревожилась матушка этимъ „послѣднимъ напутствіемъ“ своего мужа.

— Господи, да что же это будетъ съ нами,—въ отчаяніи говорила матушка о. Василию.—Я вижу, ты ужъ совѣмъ себя умирать собираешь. Хоть бы маленько пожалѣлъ ты меня и дѣтей. Смотри-ка, вѣдь мы, какъ мухи осеннія, бродимъ по дому.

— Что же я подѣлаю,—отвѣчала батюшка.—Видно того стоимъ, того заслужили, чтобы страдать. Можетъ и умереть придется. Не скрою: мнѣ очень трудно.

— Зачѣмъ же ты думаешь объ этомъ, о смерти? Ты думай о жизни, о здоровьѣ,—попробовала вдохновить матушка мужа. Кто же растить, кормить дѣтей будетъ? Что я одна съ ними подѣлаю! Развѣ ужъ въ сырую землю живой зарыться, чтобы не видать горькой ихъ доли сиротской!

— А ты погоди еще сокрушаться раньше времени. Вотъ умру, такъ наплачешься, нагорюешься. Кому-нибудь да надо, начало дѣлать, не стоворишься умереть въ одинъ часъ. А жить-то какъ безъ меня?—Проживешь, Богъ дастъ: станешь просвирной здѣсь, ну и прокормишься.

— Богъ съ тобой, что ты это только говоришь.—Больше и духу не хватило разговаривать съ больнымъ у матушки. Не вышла, а выбѣжала она отъ больного и залилась горячими, неутѣшными слезами. „Что будешь дѣлать, что дѣлать. Неужели Господь возьметъ его у меня, оставитъ меня вдовою съ сиротами-дѣтьми. Боже мой, Боже мой, гдѣ же правда Твоя святая, гдѣ Твое милосердіе. Накажи чѣмъ хо-

чешь, только не этимъ наказаніемъ: оно выше силъ моихъ“, повторяла рыдая, матушка.

Но вдругъ среди самаго плача матушку осѣнила какая-то мысль, точно пришло ей на умъ какое-то вѣрное средство помочь бѣдѣ своей. Она наскоро отерла свое заплаканное лицо и направилась къ божницѣ, склонилась тамъ на колѣна предъ образами и стала горячо, горячо молиться. Не обыкновенными, заученными молитвами молилась она, нѣтъ, она сама слагала свою скорбную молитву, какъ умѣла.

„Господи, подними же его,—говорила она,—даруй ему исцѣленіе. Знаю, что я не стою Твоей милости, не заслужила ея. Помоги мнѣ по милосердію Своему, по человѣколюбію. Ты, Господи, видишь мою беспомощность, знаешь лучше меня горе мое и нужду мою. Не оставь меня горькой вдовой, а дѣтей сиротами. Что съ ними буду дѣлать я? Куда дѣнусь, чѣмъ пропитаю и устрою? Неужели для того Ты далъ намъ дѣтей, чтобы они вѣкъ свой плакались на нищету и попрекали насъ родителей? Сохрани же для блага ихъ жизнь отца-кормильца. И если ужъ нужно по правосудію Твоему кого-нибудь изъ насъ взять отсюда, то возьми меня. Возьми меня за него, Господи! И я умру съ радостью, умру спокойная, что не безъ хлѣба, не безъ призора остались дѣти мои. Матерь Божія, Святая Заступница! Принеси за меня свою матернюю молитву къ Сыну Своему, чтобы внялъ Онъ гласу моленія моего. Отведи же отъ головы моей грозный ударъ гнѣва Божія. О, лучше я сама сейчасъ готова лечь въ землю сырую, чѣмъ хоронить своего мужа, чѣмъ видѣть слезы сиротъ моихъ!“

Глубокія воздыханія, прерываемыя несдерживаемыми рыданіями, дошли до слуха больного.

— Что ты тамъ дѣлаешь?—спросилъ онъ:

— Молюсь,—отвѣчала матушка.—Одно, видишь самъ, осталось:—молиться. Не на кого надѣяться больше, а Богъ все можетъ. Я, знаешь ли что, просила у Господа, чтобы ужъ лучше мнѣ умереть, чѣмъ тебѣ. Вѣдь, не правда ли, такъ лучше будетъ?

— Напрасно ты объ этомъ просила. Сказано: не искушай. И просила да не получишь, если не изволитъ Господь: онъ и безъ насъ хорошо видитъ и знаетъ, что сдѣлать съ нами и нужно намъ.

— Я вотъ потому и просила,—возражала матушка,—что вѣдь, безъ сомнѣнія, для дѣтей будетъ лучше тебѣ остаться, а мнѣ умереть. Не такъ ли?

— Не такъ, не такъ,—нетерпѣливо заговорилъ батюшка.— Оставь и думать объ этомъ. Что мнѣ, что тебѣ умирать—одинаково плохо, и не время. Но это по нашему, а по-Божьи, это, можетъ быть, и есть самое лучшее для насъ, и для нашихъ дѣтей.

Господу Богу угодно было внять неотступному моленію о болящемъ іереѣ Василиѣ. Благополучно миновалъ кризисъ болѣзни и съ начала октября мѣсяца ясно обнаружился поворотъ на выздоровленіе: появился сонъ, аппетитъ. Силы восстанавливались, больной быстро поправлялся. Вмѣстѣ съ тѣмъ оживало все и въ домѣ о. Василия. Матушка Иларія ногъ не чувала подъ собою отъ охватившихъ ее радостныхъ чувствъ по случаю избавленія отъ грозившей опасности. „Не выздоровѣлъ, а воскресъ мой о. Василиѣ,—весело хвалилась она всѣмъ,— не знаю, какъ и Бога благодарить за это“. Снова водворился въ домѣ прежній порядокъ всеневной трудовой жизни. Скоро позабылись и слезы и печали, вылетѣли изъ головы недавнія воздыханія, клятвенныя обѣщанія. Суевливая жизнь опять забила живымъ ключомъ.

III.

Прошелъ годъ, и опять наступила осень. Но какую противоположностью была она предыдущей? Какъ бы нарочно, для болѣе рѣзкаго контраста, въ этой осени соединились всѣ невзгоды и неприятности, свойственныя этому времени, и проявились въ усиленномъ размѣрѣ. Уже съ конца августа подуло рѣзкимъ холодомъ, зачастилъ мелкій каждодневный дождикъ. Слякоть и грязь на улицѣ стояли невообразимыя. Ни выхода, ни выѣзда не стало: бездорожица, какихъ на рѣдкость. Но извѣстно, что нужда ничего, и дороги не разбираетъ, не идетъ и ѣдетъ, а ползетъ и лѣзетъ до головоломки включительно. Такая-то нужда какъ разъ и выпала на долю Пустовскаго о. Василия. У него заболѣла не на шутку жена его, матушка Иларія, заболѣла какъ-то неожиданно, сперва не шибко, а тамъ и совсѣмъ слегла. По-нуждалось, презрѣвъ всѣ опасности осеннихъ дорогъ, ѣхать

искать здоровья тамъ, гдѣ его только что не дѣлаютъ на продажу. Но лучше рассказать все по порядку, какъ дѣло дошло до этакой крайности.

Въ первое время болѣзни матушки Иларіи сказалась въ самой срединѣ лѣта отсутствіемъ аппетита, желудочными болями и запорами, а потомъ ослабленіемъ дѣятельности мышцъ: не стала шея двигаться, руки, ноги отказались отъ обычной работы. Больная слегла въ постель, Совсѣмъ голову, что называется, потерялъ о. Василиѣ при такой напасти. Кто знаетъ, что тутъ и дѣлать? Время страдное, людей свободныхъ и за деньги не найдешь. А дѣла такая масса, что и не разберешься: за дѣтьми ли ходить, за домомъ ли, за хозяйствомъ ли глядѣть, больной ли служить, не говоря уже о службѣ пастырской по церкви и приходу. Метался онъ съ утра до вечера, какъ угорѣлый, старался вездѣ поспѣть. И не поспѣвалъ: не было физической возможности. Въ довершеніе несчастія ушла прислуга, жили сколько времени съ одной нянькой, насилу нашли другую работницу: и за большое жалованье не идетъ никто.

А время шло. Вотъ ужъ сентябрь: не видно какъ среди думъ и заботъ летитъ день за днемъ. Больная больна была тѣломъ, но духомъ бодря, и этой бодростью вселяла въ окружающихъ надежду, что вотъ скоро поправится и поднимется. Но надежды все не сбывались. Наоборотъ, болѣзненные приступы стали тяжелѣе. Матушка причастилась и настойчиво—слезно просила мужа пособоровать ее.

— Что ты боишься,—уговаривала она мужа, все отклонявшаго ее отъ соборованія.—Точно ты не священникъ, не знаешь, для чего установлено это таинство. Видишь вѣдь, лѣкарства не дѣйствуютъ, ни электричество твое не помогаетъ, ни массажъ толку не дѣлаетъ. Можетъ, Господь нарочно указываетъ намъ, что только у Него есть всѣмъ исцѣленіе. Ты самъ знаешь примѣры, что послѣ соборованія выздоравливали чуть не безнадежные больные. Да если не выздоровѣю, наконецъ, то опять-таки мнѣ на пользу послужитъ это таинство при переходѣ въ вѣчную жизнь. А ты исполни ужъ, мой другъ, эту просьбу мою; больше-то вѣдь мнѣ ничего и не надо.

— Ахъ, если бы ты заглянула мнѣ въ сердце, какъ оно мучительно больно сжимается только отъ этихъ словъ тво-

ихъ, такъ пощадила бы ты меня. Лучше не терзай ужъ, я съѣлаю по твоему, какъ-нибудь можетъ и вынесу эту пытку. Вынесъ бы и не это, лишь бы далъ тебѣ Богъ здоровье. Ахъ, мама, мама! Какую ты скорбь всѣмъ намъ задала. Ума я не приложу, что и дѣлать теперь.—Такъ, съ глубокою тоскою и вмѣстѣ любовью глядя на страдающую свою жену, говорилъ батюшка.

— Долгъ платежомъ красенъ, батюшка, — былъ ему отвѣтъ. — Ты мнѣ лѣтось въ эту пору еще тяжелѣе пытку устроилъ. Да вѣдь вотъ вынесла я, выжила. Богъ поможетъ, и ты снесешь. Къ тому же пока, словно, и тяжелого ничего нѣтъ. Вотъ какъ умру, ну тогда правда, что нелегко тебѣ достанется... Да и то забудется, залѣчится,—прибавила, подумавъ, матушка.

— Погляжу я, какъ ты это равнодушно говоришь, точно шутишь. Вонъ, и улыбнуться еще силишься. Ну, мнѣ не до того. И не о себѣ, главное, тужу я, дѣтей вотъ больше жаль, плохо имъ безъ тебя.

— А я такъ, напротивъ, объ дѣтяхъ меньше думаю, чѣмъ о тебѣ, тебя больше жаль, чѣмъ ихъ. Что дѣти? Они теперь еще мало понимаютъ мое значеніе. Выростутъ, Богъ дастъ, и не увидишь какъ. Они же будутъ тебѣ и утѣшеніемъ: станешь ихъ любить, заботиться о нихъ, учить ихъ, устраивать, такъ время и пройдетъ незамѣтно.

— Незамѣтно, ты говоришь, незамѣтно...—сказалъ о. Василій, и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Послѣ соборованія больная, дѣйствительно, почувствовала себя значительно лучше къ общему удовольствію всѣхъ.

Вотъ теперь мнѣ совсѣмъ хорошо, и нигдѣ у меня не болитъ, право, только силы нѣтъ, истощала, знать, я очень, а то сейчасъ пошла бы,—хвалилась матушка.

На другой день послѣ соборованія прибылъ врачъ изъ уѣзднаго города, приглашенный о. Василюмъ на консультацію съ мѣстнымъ врачомъ, пользовавшимся больную. Видимо, тронуло его тяжелое горе, нависшее, какъ темная туча, надъ бѣдной головой священника. Но ему не суждено было явиться здѣсь ангеломъ-утѣшителемъ. Справедливость требовала сказать настоящій діагнозъ болѣзни безъ всякихъ прикрасъ. „У вашей жены, батюшка, мы съ товарищемъ нашли болѣзнь печени, всѣ другія ревматическія явленія

происходятъ отъ этой главной болѣзни. Лѣчить ее мы, признаться вамъ, затрудняемся. Можетъ быть, тутъ случай и оперативный. Такъ мы рѣшили предложить вамъ немедленно поѣхать въ клинику для совѣта съ болѣе насъ свѣдущими медиками“. Раскланялись затѣмъ врачи и ушли во-свои.

Какъ громомъ поразило о. Василюя это заключеніе врачей, совсѣмъ неожиданное-негаданное.

— Вотъ тебѣ и ревматизмъ, вотъ тебѣ и неопасная болѣзнь,—съ тупымъ отчаяніемъ повторялъ батюшка.—Вотъ, поди, узнай все, предусмотримъ!.. Что теперь дѣлать?! Господи! Наставь на путь Твой, на истину Твою. Дай разумъ, терпѣнье выйти изъ такой бѣды.

А больная уже звала къ себѣ мужа, желая скорѣе знать рѣшеніе врачей.

— Ну, что врачи говорятъ?—встрѣтила его она, пытливно глядя въ лицо.—Плохо, видно—дѣло, не скрывай, вижу по лицу, что плохо.

— Вотъ и не угадала,—отвѣтилъ о. Василій, переламывая себя, насколько смогъ.—Правда, немного хорошаго насудили, но и худого не напророчили. Говорятъ вообще, что болѣзнь упорная и затяжная. Между прочимъ, настойчиво предлагаютъ поѣхать въ Москву въ клиники. Ужъ я не знаю, что ты на это мнѣ скажешь.

— Сдается мнѣ, что доктора только пугать тебя не хотѣли изъ сожалѣнія, надежды чтобы не отнять, а увѣрились вполнѣ, что моя пѣсня допѣта. Не бросить ли ужъ, папа, и тебѣ мысль о поѣздкѣ въ Москву?

— Только однѣ хлопоты, расходы, а дѣла не поправишь. Да какъ вдругъ и назадъ не воротиться сюда живой. А мнѣ это тяжелѣе всего—умирать на чужбинѣ.

— Господи! Вотъ опять ты въ мрачныя мысли вдаешься. Гдѣ же у тебя вѣра-то, надежда-то на Бога? Неужели такъ и покинетъ насъ Господь? И то ты подумай: развѣ тебѣ не грѣхъ будетъ отказаться отъ средствъ къ излеченію и подвергнуть себя опасности умереть? Мать дѣтей вѣдь ты! Хотѣ ихъ пожалѣй, побереги себя. Теперь каждый день, даже каждый часъ дорогъ. Опустись, не воротись.

— Ну, какъ хочешь,—заклчила матушка. Коли ты надумалъ, такъ поѣдемъ въ Москву. Только и не знаю, какъ я доѣду туда... Кажется и не доѣдешь.

Добившись этого, хотя и неохотнаго, согласія на поѣздку, о. Василій сейчасъ же и сталъ собираться въ дорогу. Сборы были не долги. Предъ отъѣздомъ больная мать настояла на томъ, чтобы благословить своихъ дѣтей, какъ ни отговаривалъ ее отъ этой тяжелой сцены батюшка. „Не мѣшаетъ на всякій случай“,—твердила она свое.

— Будьте умны, дѣтки, да всѣхъ слушайтесь, папу любите, меня не забывайте,—наставительно говорила она дѣтямъ, цѣлуя ихъ и крестя святой иконой.

Несмотря на то, что былъ еще только конецъ сентября мѣсяца, а уже подхватывали порядочные морозцы. Грязную, мокрую землю повысушило, но изрѣзанною колесами дорогу сдѣлало совѣмъ мучительной для проѣзда: хуже, чѣмъ въ грязь. Экипажъ немилосердно трясло и кидало изъ стороны въ сторону. И здоровому по такому пути ѣхать едва было подъ силу. Каково же было ѣхать больной женѣ о. Василія въ такую пору? Много мудрилъ батюшка надъ повозкой, чтобы сдѣлать ее удобной для положенія больной. Тѣмъ не менѣе то и дѣло раздававшіеся изъ повозки стоны давали знать, что ни тщательный выборъ дороги, ни предусмотрительность въ устройствѣ повозки не спасали отъ тряски и толчковъ. Скрѣпя сердце, приходилось ѣхать. На бѣду далеко жилъ о. Василій отъ желѣзныхъ путей, и проселочныхъ мытарствъ выпало на его долю до-сыта. Истерзанные, изломанные и физически и нравственно добрались насилу до города. А здѣсь снова напасти: съ больной нигдѣ ни пускаютъ на ночлегъ, боятся канители. Когда-то когда, наконецъ, устроились, вдоволь намаевшись съ переносомъ больной по безчисленнымъ закоулкамъ плохонькой гостиницы.

Но вотъ и Москва. — Приѣхали-таки, слава тебѣ, Господи!—говорилъ, крестясь, о. Василій. Въ Москвѣ, не въ деревнѣ, оказалось легче справляться со всякими передвиженіями больной. Только кошельку одному доставалось плохо, но до счета ли денежнаго тутъ? Изъ вагона на носилкахъ, а тамъ въ специальной, хорошо приспособленной каретѣ скорой медицинской помощи, больную живо доставили въ клиники. Московскія клиники! Это особый медицинскій городокъ въ Москвѣ. Обширныя прекрасныя зданія, всѣ одного типа, въ длинной веренищѣ выступаютъ одно за другимъ и произво-

дятъ отличное впечатлѣніе. Но попасть сразу, куда надо, не такъ-то легко. Вездѣ по клиникамъ свои специальности, а указывающія ихъ надписи для однихъ слѣпы, для иныхъ малопонятны. Какъ разъ пропутаешься, и срокъ приѣма, очень короткій тамъ, кончится. Но ужъ если попадешь, куда слѣдуетъ, то и получишь, что нужно, и даромъ время не потратишь. За клиническими медиками справедливо утвердилась репутація честныхъ и внимательныхъ лѣкарей. Ошибки въ діагнозѣ и назначеніи лѣкарствъ здѣсь бывають рѣдки до минимума. Тѣмъ болѣе въ клиникахъ не встрѣтишь никакого шантажа: ни застрачиванья въ маловажныхъ случаяхъ, ни замалчиванья въ серьезныхъ, какъ то практикуется съ извѣстными цѣлями частными докторами и лѣчебницами. Конечно, умирають больные и въ клиникахъ, и даже, пожалуй, чаще умирають, чѣмъ тѣ, которые пользуются въ другихъ мѣстахъ. Но вѣдь поступаетъ сюда большой процентъ больныхъ съ самыми сложными и тяжкими болѣзнями, иногда прямо безнадежными, отъ которыхъ отказываются другіе врачи.

Въ пропедевтической клиникѣ, куда приѣхалъ о. Василій по указанію врача своего, его встрѣтили сочувственно и благожелательно. Около больной его жены тотчасъ же собралась толпа студентовъ во главѣ съ медиками-доцентами. Пошли торопливые разспросы, осмотры, выслушиванія. Батюшка зорко наблюдалъ за впечатлѣніемъ, какое производила его больная на окружающихъ, — убѣдился изъ наблюденія, что положеніе больной представляетъ мало утѣшительнаго.

— Ну, что вы скажете мнѣ про больную,—спросилъ батюшка доктора,—видно тяжелая у ней болѣзнь.

— Определеннаго ничего пока не скажемъ мы вамъ,—отвѣчали доктора.—вотъ пройдетъ денекъ-два, хорошенько займемся больной вашей, изслѣдуемъ ее, а она поотдохнетъ, соберется съ силами, тогда все ясно будетъ. А теперь, видите сами, какъ она выглядитъ съ дороги. Удивительно еще, какъ это вы живы добрались. Вы вѣдь изъ провинціи?

— Да, изъ провинціи, и отъ желѣзной дороги въ 40 верстахъ, такъ что, правда, съ большимъ рискомъ пустились въ поѣздку. Одно оправданіе: неотложная нужда. Это вѣдь

жена моя, докторъ, у ней шестеро дѣтей. Только легко это сказать.

Пришелъ и самъ профессоръ, посмотрѣлъ, послушалъ, покачалъ головой и сказалъ батюшкѣ, отведя его къ сторонкѣ:—тяжкое заболѣваніе, батюшка, у вашей жены, можетъ быть, ракъ, можетъ, и другое что, но только едва ли излѣчимое. Думается, напрасно вы и ее, и себя мучили приѣздомъ сюда. Впрочемъ, духомъ-то не падайте. Мы еще поглядимъ. Дай Богъ, если бы иначе оказалось.

Правъ былъ профессоръ въ своихъ догадкахъ: сказанъ опытный глазъ. Совѣтъ клиническихъ докторовъ констатировалъ ракъ печени у больной, о чемъ на третій день и было объявлено о. Василию.—Ничего мы не можемъ помочь вашей супругѣ, помиритеcь со своимъ положеніемъ. Ракъ неизлѣчимъ, оперировать въ печени нельзя. Исходъ одинъ—смерть. А когда она послѣдуетъ, сказать точно нельзя. Такъ предполагаемъ,—недѣля, много двѣ, и конецъ.

Съ какою-то тупою покорностью своей неизбѣжной участи выслушалъ о. Василій это рѣшеніе. „Знать ужъ доля моя такая горькая, такъ на роду мнѣ написано. Думалъ ли, гадалъ ли когда, что такъ скоро вся жизнь разобьется. Нѣтъ, видно, нигдѣ мнѣ спасенія! Богъ не слышитъ, избавить ли человѣкъ“!..

— Что же вы мнѣ теперь посоветуете дѣлать?—спрашивалъ о. Василій клиническаго доцента.

— Мы бы совѣтовали вамъ оставить пока въ клиникѣ больную, можетъ она еще поокрѣпнеть, а тамъ возьмите ее домой.

— А какъ я уѣду отсюда, да она умретъ здѣсь?!..

— Тогда извѣстимъ васъ, приѣдете и, если угодно, возьмете тѣло ея домой.

Вспомнилась батюшкѣ слезная просьба матушки не давать умирать на чужбинѣ и въ головѣ у него созрѣло рѣшеніе—взять ее домой сейчасъ же, во что бы то ни стало. Тѣмъ болѣе, къ этому времени приѣхалъ провѣдать своего зятя и дочь тестя о. Василия, который своею помощью могъ облегчить трудъ обратнаго пути съ больной.

— Вы меня, пожалуйста, простите, но я не послѣдую вашему совѣту,—сказалъ доктору о. Василій. Я возьму больную домой: умирать, такъ по крайней мѣрѣ дома въ кругу

родной семьи. Авось не отступится Господь и донесетъ насъ до дома живыми. Я объ одномъ еще усердно просилъ бы васъ: подготовьте больную къ мысли о необходимости ѣхать домой. Она къ дому очень привязана, и я думаю, не трудно будетъ уговорить ее. Я же съ своей стороны прямо не могу этого сдѣлать, вы понимаете, почему.

Помолившись московскимъ святынямъ въ Успенскомъ и Покровскомъ соборахъ, въ часовняхъ Иверской и Пантелеимоновской, о. Василій тронулся въ обратный путь.

„Да будетъ воля Твоя, Господи, да будетъ воля Твоя!“ мысленно твердилъ батюшка, съ состраданіемъ смотря на любимую свою жену, которая лежала предъ нимъ какъ прекрасный, но увядшій, побитый осеннимъ морозомъ цвѣтокъ. „Только не лиши меня, Господи, Своей послѣдней милости и помощи—довезти ее живою домой, избавь отъ терзанья—видѣть умирающей въ дорогѣ“.

И Господь, богатый милостью, сотворилъ по прошенію о. Василия. Безъ особыхъ приключеній, даже безъ большихъ трудностей добрался онъ домой въ свое село. Не о такомъ возвращеніи думалъ батюшка, недѣлю тому назадъ, выѣзжая съ больной изъ села. Мечталъ привезти ее здоровой, смѣющейся, радостной, способной съ возобновленными силами служить семьѣ и править домомъ своимъ. И вотъ, вмѣсто того онъ долженъ на своихъ рукахъ внести ее, почти безчувственную и безсознательную въ свои комнаты при громкомъ плачѣ встрѣчающихъ дѣтей, при всхлипываніяхъ и причитаніяхъ сбѣжавшихся поглядѣть сосѣдей-прихожанъ. Грустная, душу надрывающая сцена!..

Первое октября. Праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы. Торжественно справляется служба Божія въ храмѣ села Пустого, при множествѣ молящихся. Но внимательный наблюдатель легко замѣтилъ бы, что эта торжественность неестественная, дѣланная, что подъ нею скрывается горе и скорбь, которыми полно сердце прежде всего пастыря-служителя, а потомъ и всѣхъ сочувствующихъ ему богомольцевъ-прихожанъ. И видятъ, и слышатъ прихожане, что больно невеселъ ихъ батюшка, отецъ духовный, глубокой печалью омрачено его лицо, дрожитъ, замираетъ, прерывается то и дѣло его, обычно звучный, голосъ, и поневолѣ настраиваются на непрасудничный ладъ. Вотъ всколыхнулась было вся цер-

ковъ, двинулись впередъ къ солеѣ, чтобы послушать обычное поученіе своего пастыря. Но что это? Обернулся было уже и пастырь самъ по направленію къ подставляемому аналою, и вдругъ, кивнувъ псаломщику, снова вернулся къ святому престолу. Подавленный вздохъ всей церкви и глухія слова: „о Господи!“ сами собою говорили, что причина лишенія паствы слова назиданія вполне ею понята и не будетъ поставлена въ укоръ пастырю. Помолвившись, всѣ разошлись по домамъ своимъ. Только о. Василій долго, долго не выходилъ изъ храма въ этотъ день. Въ молитвѣ своей предъ Божиимъ престоломъ онъ искалъ утѣшенія своему смятенному, разбитому сердцу. Въ молитвѣ Богу, какъ томимый жаждою въ ключевой водѣ, искалъ онъ утоленія своимъ горестямъ, которыя тѣнили душу его. Молитвою хотѣлъ онъ выгнать тѣ мрачныя мысли, тѣ страшныя думы, которыя неотступно лѣзли ему въ голову, не давали никакого покоя. Онъ сознавалъ, къ счастью своему, что только тѣмъ и можно облегчить свое тяжелое иго—искренно, усердно молиться и съ дѣтскою довѣрчивостью предать себя всеблаготворителю Божіей, помощи и заступленію святыхъ угодниковъ. Всѣ земныя доступныя средства къ отвращенію нависшей бѣды были исчерпаны. Горькое вдовство для себя и тяжелое обидное сиротство для дѣтей предстояло неминуемо и въ самомъ, очевидно, близкомъ будущемъ.

На другой день Покрова къ о. Василію прѣхалъ тестъ съ тещею, прѣхала также сестра его. Горе влекло родныя сердца на помощь и утѣшеніе. „Ну что творится у васъ?“ спрашивали, прѣзжіе встрѣчавшаго хозяина, желая услышать отъ него хоть что-нибудь отрадное. „И говорить нечего, сами увидите сейчасъ“, грустно отвѣчалъ хозяинъ.

— Да,—разсуждали затѣмъ у постели больной ея родители,—видимое дѣло, что развязка близка. Нечему жить. Вся высохла, куда что дѣвалось, только что дышать, и то еле-еле. И отчего этотъ ракъ у нея завязался, странное дѣло. Вѣдь вотъ и въ Москвѣ говорили, и здѣсь толкуютъ врачи, что въ ея лѣта не бываетъ рака, что это какой-то исключительный случай. Развѣ ужъ не отъ прошлогодняго ли ея гореванья во время вашей болѣзни онъ привязался къ ней. Съ горя и печали и по медицинѣ возможно раковое пора-

женіе. А какъ вѣдь она тогда убивалась, какъ плакала, ужъ мы боялись, не произошло бы и съ ней какого удара. Можетъ быть, отъ этой чрезмѣрной тоски и упадка вообще всей жизнедѣятельности въ ней и образовался ракъ.

— Все можетъ быть, конечно,—отвѣчалъ о. Василій. Это я и самъ хорошо помню, какихъ мученій стоила ей моя болѣзнь. Чего ужъ? Молилась Господу, чтобы взялъ ее къ Себѣ за меня. Вѣдь только крайнее отчаянье, руководимое самоотверженною любовью, могло подвинуть ее на такую молитву и просьбу. И что удивительно: то было 2-го октября, въ нынѣшній, значить, день. Неужели же Господь и судить быть по ея прошенію и возьметъ ее къ себѣ? Тогда все станетъ понятно: это перстъ Божій, это она умолила и за меня свою жизнь положила.—Спазмы въ горлѣ отъ подступившихъ слезъ прервали слова о. Василія, да и всѣ, не стѣсняясь, плакали. Вечеромъ въ тотъ же день и дѣйствительно не стало матушки Иларіи: отошла съ миромъ ко Господу. Лишился о. Василій горячо любимой жены, семья—заботливой матери, родные—радушной, ласковой хозяйки, а прихожане, особенно женщины—услужливой, привѣтливой матушки. Потеря была велика равно для всѣхъ.

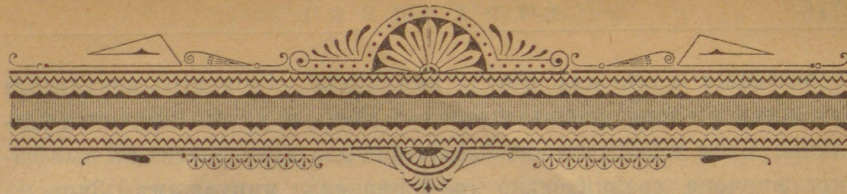
Много народа, и родного, и чужого, собрало погребеніе матушки Иларіи, несмотря на то, что день былъ будній. Всѣ досыта поплакали. Всѣмъ непритворно жаль было, что такъ рано угасла столь нужная жизнь, жаль было оставшихся дѣтей—сиротъ, изъ которыхъ половина не понимали и значенія понесенной утраты, жаль было и батюшку о. Василія, овдовѣвшаго въ такіе еще молодые годы, жаль было вообще разгрома и разрушенія всего семейнаго счастья и благополучія этого дома, на который многіе указывали, какъ на достойный подражанія примѣръ.

„Воля Божія, воля Божія, перстъ Божій“, мысленно твердилъ батюшка, возвращаясь послѣднимъ домой отъ свѣжей могилы, „Вотъ если бы и мнѣ теперь лечь рядомъ съ почившей, не надо бы мнѣ другого утѣшенія. Только дѣти, вотъ дѣти... А дѣти какъ тутъ, уже вились около него, хватили его за безпомощно повисшія руки, путались въ раздуваемыхъ вѣтромъ полахъ рясы, попадали подъ ноги, стараясь заглянуть папѣ въ глаза, и чувствуя своимъ маленькимъ сердечкомъ, что не осталось у нихъ, кромѣ отца,

другого близкаго, родного человѣка, что онъ теперь долженъ имъ замѣнить и мать, и все, и все... Взглянулъ онъ на нихъ, на этихъ сиротокъ своихъ, и горько, горько заплакалъ.

А кругомъ въ Божиёмъ мірѣ шло все своимъ чередомъ, точно никого и не было, и никакого горя ни съ кѣмъ не случилось.....

Свящ. В. Соколовъ.

Библиотеки для духовенства.

(ХРОНИКА ЕПАРХІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ).

Сознаніе духовенствомъ необходимости имѣть библиотеки. — Жалобы на неудовлетворительное состояніе церковныхъ и благотворительныхъ библиотекъ въ разныхъ епархіяхъ. — Желательный составъ церковныхъ и благотворительныхъ библиотекъ. — Мѣстонахожденіе, организація и управленіе благотворительныхъ библиотекъ. — Проектъ уѣздныхъ библиотекъ. — Слабыя стороны этого проекта.

Вопросъ о церковно-приходскихъ, благотворительныхъ и уѣздныхъ библиотекахъ для духовенства не сходитъ со страницъ епарх. органовъ печати. Ясно, что этотъ вопросъ касается одной изъ живыхъ, насущныхъ потребностей духовенства. „Одною изъ насущнѣйшихъ потребностей духовенства, — говорится въ одномъ епарх. органѣ по поводу рѣчи о библиотекахъ („Тамб. епарх. Вѣд.“), — является необходимость имѣть возможность отвѣчать на запросы мысли и жизни въ нашемъ обществѣ. Чтобы стоять на уровнѣ этихъ запросовъ, духовенству нужно имѣть достаточныя знанія не только въ области церковно-богословской, но и философской, исторической и др.; а эти знанія не могутъ быть пріобрѣтены иначе, какъ путемъ самообразованія... Если такія учрежденія, какъ земства, учрежденія военнаго вѣдомства, финансоваго и др., даже частныя общества имѣютъ для своихъ служащихъ хорошо обетавленные, солидныя библиотеки, то тѣмъ болѣе это необходимо для духовенства, которое должно стоять впереди другихъ въ этомъ отношеніи и позаботиться о хорошемъ подборѣ чтенія для само-